

личные регионы империи. В то время как в Англии и Франции развитие торговли и промышленности имело своим следствием государственную централизацию, в Германии аналогичные процессы привели к группировке интересов по отдельным регионам, вокруг местных центров, и в конечном счете не к преодолению разобщенности, а, напротив, к нарастанию дезинтеграционных тенденций и к консервации политической раздробленности. Имперские князья, уже обладавшие к тому времени всей полнотой власти внутри своих территориально-государственных образований, использовали благоприятную конъюнктуру экономического развития для окончательного правового оформления своего политического суверенитета. Помимо владений имперских князей, в число «членов империи» входили имперские графства, имперские прелатства и имперские города, а также громадное количество (несколько сотен) мелких самостоятельных территориальных единиц, которые иногда не выходили за рамки одного города или одного монастыря.

Тяжелейшими материальными и социальными последствиями для экономического и политико-правового развития страны обернулось подавление революционного выступления германского народа в ходе грандиозной Крестьянской войны 1524—1526 гг. Общее число людских потерь в этой войне превысило 100 тыс. человек. Пострадавшими в результате войны оказались практически все германские сословия, включая духовенство, дворянство и бюргерство. Исход войны оказался выгодным лишь для князей: разоренные города, оскудевшее духовенство и дворянство были вынуждены искать у них поддержки. В отношении же трудящихся низов господствующие верхи действовали единым фронтом: стремясь компенсировать свои материальные потери, они подвергли крестьянство многочисленным конфискациям, контрибуциям и штрафам. Крепостное состояние было распространено практически на все слои сельского трудового населения. Развернувшийся княжеский произвол отбросил Германию далеко назад по сравнению с уровнем, достигнутым успехами предшествующего развития. Общественный подъем начала XVI в. сменился глубокой реакцией.

К концу XVI в. в сельскохозяйственном производстве Германии вновь наметились позитивные тенденции, вследствие чего, казалось бы, открылись возможности для выхода из кри-